ДАНИИЛ СМИРЕНБЕРГ

САМОЕ ЧЕСТНОЕ ВРЕМЯ СУТОК

# 3:47

Даниил Смиренберг

# 3:47

«Автор»
2026

**Смиренберг Д.**

3:47 / Д. Смиренберг — «Автор», 2026

Одиннадцать часовых поясов. Одна ночь. Одна минута, которая наступает одиннадцать раз.Рыбак в Охотском море. Учительница из Магадана, которая восемь лет ждёт звонка от сына. Перекупщик машин с идеальной жизнью в сторис. Врач скорой, который разучился чувствовать. Жена, три года хранящая таблицу «Если уйти». Студентка-медик, которая не хочет быть врачом. Таксист с гитарой в шкафу. Отец и сын-геймер за одной стеной. Невеста с ипотечным калькулятором. Бизнесмен, у которого есть всё. И человек, у которого больше нет времени.Днём у каждого из них готов ответ: «всё нормально», «ещё не время», «зато стабильно», «потом». Но в 3:47, когда нечем прикрыться, эти слова перестают работать.Роман в новеллах о деньгах, которые мы меняем на жизнь, о звонках, которые откладываем годами, и о ленте новостей, где мы знаем всё, кроме самих себя.Эту книгу можно прочитать за одну ночь. Начните в 3:47.

© Смиренберг Д., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

3:47 5
Пролог. 3:46 6
I. 3:47 · Петропавловск-Камчатский · UTC+12 8
Ты 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

# 3:47

3:47

Даниил Смиренберг
*Все спят. Кроме тебя.*

# Пролог. 3:46

Страна спит.

Не вся сразу. Так она не умеет. Она слишком большая, чтобы закрыть глаза одновременно. Ночь идёт по ней, как контролёр по вагону электрички: медленно, от одного конца к другому, заглядывая в каждое окно.

На Камчатке ночь уже старая. Она пришла туда раньше всех и успела устать. В Калининграде она ещё молодая, там только что погасили свет и пообещали себе, что завтра всё будет по-другому.

Между ними одиннадцать часовых поясов. Одиннадцать раз за эту ночь на разных концах страны наступит одна и та же минута.

Сейчас 3:46.

Спят дальнобойщики на стоянках, положив ноги на руль. Спят коты на тёплых батареях. Спят студенты над недописанными курсовыми, спят охранники в будках, честно сказав себе, что только на пять минут. Спят люди, которые завтра уволятся, и ещё не знают об этом. Спят люди, которые не уволятся никогда, и это они знают точно.

Телефоны лежат экраном вниз. В каждом недописанное сообщение. В каждом чат, который давно пора открыть. В каждом номер, по которому не звонили так долго, что теперь уже неловко.

В это время почти ничего не работает. Закрыты магазины, банки, школы, поликлиники. Пусты эскалаторы. Светофоры мигают жёлтым для никого.

Работают только ночные аптеки. Скорая. Таксисты. Круглосуточные шаурмичные на выездах из городов. Дежурные в больницах и диспетчеры на подстанциях.

И голова.

Голова работает всегда. Просто днём её не слышно. Днём её глушат: работа, разговоры, новости, сторис, музыка в наушниках, шипение чайника, чужие голоса в метро. Днём у каждого из нас есть адвокат. Он говорит быстро и убедительно. Он всегда найдёт, почему сейчас не время, почему все так живут, почему это нормально.

Ночью адвокат спит.

А ты не спишь.

Почему именно три сорок семь? Не знаю. Никто не знает. Но спроси любого, кто просыпался ночью без причины, и он назовёт примерно это время. Не три: в три ещё можно решить, что это случайность. Не четыре: в четыре уже почти утро, уже скоро вставать, уже можно не думать. А три сорок семь — это середина. Самое дно ночи. Время, когда нечем прикрыться.

В эту минуту ты знаешь о себе всё.

Утром ты это забудешь.

Где-то сейчас горит окно. Одно на весь спящий квартал. Я не скажу где. Пока не скажу. За окном кухня, на столе остывший чай, у стола человек. Он не пьёт и не читает. Он смотрит на телефон, где через минуту сменится цифра. Он ждёт её так, как ждут поезда, на который давно куплен билет.

Мы пройдём с этой минутой через всю страну. С востока на запад, вслед за ночью. Одиннадцать раз. Одиннадцать человек.

Они не знают друг о друге. Или думают, что не знают.

Никто из них не плохой. Никто не злодей. Каждый из них по-своему прав, и каждый сумеет это объяснить, если спросить его днём. Но мы не будем спрашивать днём.

Мы придём к ним в 3:47.

И каждый из них завтра утром скажет, что всё нормально.

Ты тоже скажешь.

Но пока ещё 3:46. Ещё минута.
На Камчатке цифра меняется.

# I. 3:47 · Петропавловск-Камчатский · UTC+12

*Охотское море. Сто сорок миль к северо-западу от Петропавловска.*

**1**

Геннадий Ветров просыпается не от качки.

К качке он привык так, что на берегу без неё не может уснуть. Кровать дома кажется ему мёртвой: лежишь, а под тобой ничего не происходит. Таня смеётся, что он и спит как на вахте, вполглаза. Смеялась. Давно уже не смеётся, просто говорит.

Он просыпается от тишины.

Тишины на траулере не бывает. Главный двигатель гудит так, что гул живёт в зубах. За переборкой храпит боцман. Где-то над головой скрипит лебёдка, и вода бьёт в борт с тупым, ровным звуком, будто кто-то стучит в дверь, которую никто не откроет. Всё на месте.

А внутри тишина. Как будто выключили звук не снаружи, а в нём самом.

Он нащупывает телефон под подушкой. 3:47. Связи нет третьи сутки. Телефон в рейсе нужен для двух вещей: будильник и фотографии. Звонить отсюда некому, точнее, некуда. Сеть ловится только у берега, а до берега двадцать дней.

Он знает, что не уснёт. Пятьдесят один год, из них двадцать три в море. Он знает свой организм лучше, чем двигатель, а двигатель он знает хорошо.

Он открывает галерею.

Галерея у рыбака устроена странно. В ней нет середины. Есть начало рейса и конец рейса. Сначала порт, жена на причале, дочь машет. Потом сто фотографий моря, одинакового, серого, и улов: минтай, минтай, минтай. Потом снова порт, но уже другой сезон, и люди на причале чуть старше.

Он листает назад, далеко назад.

Даша на выпускном. Синее платье, волосы, которые Таня укладывала с пяти утра. Фото прислали в рейс, он смотрел его в каюте у старпома, где был спутниковый интернет, полторы минуты на человека. Он тогда сказал старпому: «Красивая, да?» Старпом сказал: «В мать». Гена не обиделся. Это была правда.

Дальше Даша в белом халате. Первый курс медицинского, Красноярск. Она стоит на крыльце корпуса и не улыбается, а щурится, потому что солнце. Он заплатил за этот халат. За общежитие, за учёбу, за дорогу, за всё. Он помнит сумму. Он помнит все суммы.

Дальше Костя. Костя на фотографиях заканчивается рано. Вот ему двенадцать, он в отцовской куртке до колен и с удочкой. Озеро под Елизово, их последняя общая рыбалка. Гена тогда учил его вязать узел, и у Кости никак не выходило, и Гена психанул. Не сильно. Сказал что-то вроде «руки у тебя не оттуда растут». Костя потом весь день молчал и поймал одного окунька, маленького, с палец, и выпустил его сам, без спроса.

После двенадцати Кости на фотографиях почти нет. Есть Костя в армии, но это фото прислала Таня. Есть Костя на чьей-то свадьбе, но это тоже Таня. Гена не помнит, когда в последний раз фотографировал сына сам.

Сейчас Косте двадцать четыре. Гена не знает, где он работает. Знает, что где-то во Владивостоке, что-то с машинами. Таня говорила. Гена кивал.

Он выключает экран и лежит в темноте.

Рыбаки всегда считают. Это не привычка, это профессия. Сутки до конца рейса. Тонны в трюме. Квота. Проценты. Деньги. Сколько уйдёт на кредит, сколько Даше, сколько отложить. Гена считает всю жизнь, и у него всегда сходится.

Сейчас он считает другое.

Двадцать три года. Рейс по четыре-пять месяцев. Иногда два рейса в год, иногда полтора. Он делит, умножает, округляет. Выходит, что дома он прожил примерно шесть лет из двадцати трёх. Шесть лет, нарезанных кусками по месяцу, по полтора, по три недели.

Даше двадцать два. Значит, он видел её примерно пять с половиной лет.

Косте двадцать четыре. Примерно шесть.

Он пересчитывает. Цифра не меняется.

**2**

На палубе холодно так, что воздух не вдыхается, а откусывается.

Прожекторы режут темноту ровными белыми клиньями. В них летит мелкий снег, и кажется, что это не снег, а сам свет крошится от мороза. Над кормой пар. Траловая команда работает: ночью тоже работают, рыба не знает расписания. Гена слышит голоса, лязг, мат, ровный, почти ласковый.

На вахте у слипа стоит Лёша. Двадцать два года, первый рейс. Пришёл весь в новом, в хорошем, на телефоне чехол с какой-то девушкой. Первую неделю его рвало так, что смеялись все, даже кок. Потом перестало. Теперь он ходит по палубе уже немного вразвалку, как будто это он тут двадцать лет.

— Геннадич, вы чего не спите?

— А ты чего не спишь?

— Так я на вахте.

— Ну вот и я на вахте.

Лёша смеётся. Он ещё смеётся над всем. Гена помнит, как это.

Они стоят молча. Ветер с севера, с материка, пахнет холодом, которому нет конца. Где-то там, за чернотой, Магадан. Дальше Якутия. Дальше вся страна, спит.

— Геннадич, можно спросить?

— Спрашивай.

— А вы зачем ещё ходите? Ну, в смысле, вам же уже хватит, наверное. Квартира есть, дети большие.

Гена отвечает сразу, не думая. Слова выходят сами, как выходят из двигателя выхлопные газы: привычно, без участия головы.

— Ради семьи.

Лёша серьёзно кивает. Он уважает этот ответ. Это правильный ответ, его так говорил его отец, его так говорил отец его отца. Ради семьи. Мужчина уходит в море ради семьи.

— Я тоже, — говорит Лёша. — Вот три рейса, и всё. На однушку в Петропавловске хватит. Женюсь. И на берег. Буду с детьми, как нормальный человек. Чтобы каждый вечер дома.

Гена молчит.

Он помнит этот разговор. Ровно этот. Только он тогда стоял на месте Лёши, и было ему двадцать семь, и он говорил старому механику Михалычу: три рейса, и на берег. Михалыч тоже промолчал. Гена тогда подумал, что Михалыч просто не любит болтать.

Теперь он знает, почему молчал Михалыч.

— Геннадич?

— Иди, тебя зовут.

Лёшу никто не зовёт. Но он уходит, потому что так сказал старший.

Гена остаётся у борта один. Он смотрит в воду, в черноту, которая шевелится под прожектором, как живая. Он двадцать три года смотрит в эту воду. Он знает про неё всё: когда она злая, когда ленивая, когда кормит, когда врёт.

Про себя он знает меньше.

Ради семьи.

Он повторяет это про себя, медленно, по слогам, как проверяют на прочность трос. Ради семьи.

И впервые за двадцать три года трос не держит.

**3**

В апреле его никто не встречал.

Это было впервые. Двадцать два года подряд на причале кто-то стоял: сначала Таня с маленькой Дашей на руках, потом Таня с Дашей и Костей, потом Таня с Дашей, потом просто Таня. В этот раз Таня написала: «Встречу дома, у нас квартальный отчёт». Он прочитал это сообщение, когда судно уже входило в Авачинскую бухту и телефон наконец поймал сеть. Сообщение пришло вместе с сорока другими: банк, банк, реклама, доставка, банк.

Он сошёл на берег, постоял на причале минуту, как будто кто-то всё-таки может прийти, и вызвал такси.

Петропавловск в апреле похож на старую фотографию, которую забыли на подоконнике. Всё выцвело. Снег ещё лежит, но он уже не белый, а цвета мокрого картона, с чёрной коркой по краям. Пятиэтажки стоят вдоль сопок, одинаковые, как зубы в старом рту, некоторые с пломбами из нового сайдинга. Остановка, ларёк с шаурмой, «Продукты 24», аптека, снова остановка. Водитель такси слушает радио, где двое ведущих смеются над чем-то, что не смешно.

На остановке у школы трое подростков снимают видео. Один стоит перед телефоном и под какой-то звук, где мужской голос раз за разом повторяет одну и ту же бессмысленную фразу, делает одно и то же движение: шаг, поворот, развести руками. Двое других держат телефон и складываются пополам от смеха. Не получилось. Снова. Шаг, поворот, руки. Снова смех. Такси стоит на светофоре, и Гена видит, как они переснимают это пять раз.

Он не понимает, что тут смешного. Он и не пытается понять. Через неделю этот звук все забудут, и появится другой, такой же.

Он смотрит на них без злости. Ему вдруг кажется, что он видит что-то знакомое. Взрослые листают сводки, дети листают тренды. Звук разный, а движение одно: смотреть туда, где тебя нет.

Гена смотрит в окно и думает, что ничего не изменилось. Потом он думает, что ничего не изменилось за двадцать три года. Потом он перестаёт думать, потому что это бесполезно.

За четыре месяца в море он заработал столько, сколько Таня в своей бухгалтерии получает за два года. Он знает эту цифру точно. Он знает её с тех пор, как они это однажды посчитали вместе, на кухне, давно, и Таня тогда сказала: «Ну вот видишь. Значит, всё правильно». Он запомнил это «всё правильно» на годы вперёд. Оно было как печать в паспорте моряка: дальше можно не проверять.

Дома пахло по-другому.

Не плохо. Просто по-другому. Какой-то новый порошок, какие-то новые свечи. На окнах висели новые шторы, серо-голубые, с узором, похожим на изморозь. Его кресло стояло не у телевизора, а у окна, и на нём лежал плед, которого он никогда не видел.

— Это я переставила, — сказала Таня, когда вернулась с работы. — Так светлее.

— Хорошо, — сказал он.

Она поцеловала его в щёку, как целуют родственников на вокзале, и пошла ставить чайник. Он стоял посреди комнаты в куртке и не знал, куда себя деть. Он знал, куда деть трал, лебёдку, ящики с рыбой, пьяного матроса в шторм. Себя в собственной квартире он деть не знал.

За ужином Таня рассказывала. О работе, о сестре в Елизово, о соседке, у которой опять затопило ванную, о ценах. Рассказывала хорошо, подробно, и он кивал. Он понимал каждое слово и не понимал ничего. Это был сериал, который смотрели без него двадцать три года, и все серии уже вышли. Он включился на середине и пытался понять, кто здесь кто.

— Даша звонила, — сказала Таня. — Просила передать, что сессия сложная. Ей деньги на репетитора по фармакологии нужны.

— Сколько?

Таня назвала сумму. Он перевёл сразу, не вставая из-за стола, одним движением пальца. Телефон пискнул.

— Спасибо, — сказала Таня.

Она сказала это так, как говорят курьеру. Вежливо, искренне, и сразу забыв.

Ночью он лежал в мёртвой кровати и слушал, как Таня ровно дышит рядом. Он смотрел в потолок, где фонарь со двора рисовал жёлтую полосу через новые шторы. На потолке была трещина, которую он помнил ещё с прошлого года. Он хотел её заделать. Он хотел её заделать уже лет восемь.

В 3:47 он не спал и тогда. Он просто не обратил на это внимания.

Он взял телефон с тумбочки, убавил яркость до минимума, чтобы не разбудить Таню, и открыл Телеграм.

За четыре месяца там накопилось столько, что счётчики непрочитанного превратились в одно серое облако. Он не помнил, когда подписался на половину этих каналов. Они как будто завелись сами, как плесень в углу ванной.

Он начал листать.

Курс доллара. Курс юаня. Эксперт объяснил, что будет с ценами весной. Депутат предложил что-то запретить, другой депутат предложил что-то разрешить, третий сказал, что оба неправы. Сводки. Ещё сводки. Видео, где кот падает со шкафа. Где-то в Подмосковье прорвало трубу. Ключевая ставка. Бензин. Снова сводки. Опрос: «Как вы думаете, что будет дальше?» Проголосовало сто сорок тысяч человек.

Под каждым постом спорили. Тысячи людей из тысяч городов писали друг другу длинные злые сообщения в три часа ночи. Они спорили о судьбе страны, об экономике, о мировой политике, о том, кто виноват и что делать. Они знали всё. У каждого было мнение, и каждое мнение было окончательным.

Гена читал эти споры до конца, до самого последнего комментария, как в детстве читал газету отца от первой страницы до программы передач.

Через двадцать минут он знал курс юаня до второго знака. Знал, что сказали в Думе. Знал, сколько стоит бензин в Москве и какая погода в Сочи.

Он не знал, почему Таня передвинула его кресло к окну. Он не знал, где работает его сын.

В комментариях три тысячи человек обсуждали, как должна жить страна. Никто из них не написал ни слова о том, как живёт он сам.

Гена тоже ничего не написал. Он вообще никогда ничего не писал в комментариях. Он просто смотрел. Так смотрят в окно поезда: там проносится чужая огромная жизнь, и можно не думать о том, что сам ты сидишь на месте.

Он заснул с телефоном на груди. Экран погас сам.

**4**

Костя приехал на третий день. Из Владивостока, на один вечер, по делам.

Гена увидел его в окно: из такси вышел крепкий парень в короткой куртке, с ключами от какой-то машины на пальце, и пошёл к подъезду быстрой, деловой походкой. Гена смотрел на него и секунды три не узнавал. Потом узнал по тому, как он сутулится, когда холодно. Так сутулился сам Гена в двадцать лет.

— Здравствуй, пап.

Здравствуй. Не «привет», не «здорово», а «здравствуй». Как будто пришёл к начальнику.

Они пожали руки. Рука у Кости была твёрдая, сухая, взрослая. Гена держал её на секунду дольше, чем нужно, и Костя мягко высвободился.

За столом говорили о машинах. Костя пригоняет их из Японии и Кореи, растаможивает, продаёт. Он рассказывал быстро, цифрами: столько стоит там, столько доставка, столько пошлина, столько маржа. Гена неожиданно понял, что ему интересно. Это был язык, на котором он умел разговаривать. Тонны, проценты, расходы, выручка.

— А в месяц сколько выходит? — спросил он.

Костя назвал сумму. Гена присвистнул.

— Нормально, — сказал он.

— Нормально, — согласился Костя.

И они оба замолчали, потому что больше говорить было не о чем. Двадцать минут они разговаривали о деньгах, и это был самый длинный их разговор за последние десять лет. Таня подливала чай и смотрела на них с осторожной надеждой, как смотрят на проснувшийся после зимы цветок: вдруг пойдёт, вдруг нет.

Не пошло.

Перед уходом Костя задержался в прихожей. Он уже обулся, уже взял ключи. Он смотрел на старую куртку Гены на вешалке, ту самую, в которой когда-то ходил на рыбалку, утонув в ней до колен.

— Ты её не выкинул, — сказал он.

— Да руки не доходят.

Костя кивнул. Он хотел сказать что-то ещё, Гена видел, как у него дрогнул подбородок. Но он только сказал:

— Ладно, пап. Береги себя там.

Там. Не здесь. Там. Сын давно привык, что отец живёт «там». Здесь его просто иногда навещают.

Дверь закрылась. Гена стоял в прихожей и смотрел на куртку.

Через неделю он позвонил в контору и спросил, нет ли возможности уйти пораньше, на другом судне, на любом. Возможность была.

— Опять? — спросила Таня вечером. Без упрёка. Просто спросила.

— Ради семьи, Тань.

Она долго на него смотрела. Потом сказала тихо, почти ласково:

— Гена, мы взрослые. Ипотеки нет. Даше хватает. Нам всем хватает.

Он не ответил. Ему вдруг стало так страшно, как не было страшно ни в одном шторме. Если всем хватает, то зачем он? Кто он здесь, если не человек, который привозит деньги? Что он будет делать в этой квартире с новыми шторами, где его кресло стоит у окна под чужим пледом? Сидеть и смотреть на трещину в потолке?

Через две недели он ушёл в море.

На причале снова никого не было. Но в этот раз он не стал ждать.

**5**

3:47 на палубе длится долго.

Гена стоит у борта уже, наверное, полчаса, но часы на телефоне не спешат. Как будто минута застряла. Как будто кто-то нажал паузу и ждёт, что он наконец сделает.

Он думает о деньгах. Это единственное, о чём он умеет думать честно, потому что деньги не врут. Деньги всегда сходятся.

Двадцать три года он менял жизнь на деньги. По честному курсу, без обмана, всё по ведомости. Четыре месяца жизни в холоде, в качке, без жены и детей, а на выходе сумма. Сумма уходила на квартиру, на ипотеку, на учёбу, на машину, которая стоит в гараже, потому что водить её некому. На большой телевизор, который никто не смотрит. На подарки, которые он покупал в аэропорту, не зная, что любят его дети.

Он покупал жизнь, которую не жил. Платил за дом, в котором не был. Оплачивал детство, которого не видел.

А потом он думает о том, о чём никогда не думал вслух. Даже про себя, даже по слогам.

Он уходит в море не ради семьи.

Он уходит от неё.

Потому что здесь, на палубе, он нужен. Здесь его слушают, здесь Лёша уходит, когда он говорит «иди». Здесь всё понятно: вот вода, вот рыба, вот работа, вот деньги. Здесь он Геннадич, старший, тот, кто знает. А дома он чужой мужчина в прихожей, который не знает, где теперь стоит его кресло. Дома он банкомат, который иногда приезжает и спит в мёртвой кровати.

Он боится дома. Двадцать три года он называет этот страх заботой.

Он достаёт телефон. Связи нет. Он открывает переписку с Костей. Последнее сообщение — от Кости, полгода назад: «С днём рождения, пап». Ниже ответ Гены: «Спасибо, сын».

Он начинает печатать. Пальцы замёрзли и попадают не по тем буквам, он стирает и печатает снова.

«Костя. Помнишь окунька на озере? Ты его отпустил, а я тогда наорал на тебя за узел. Ты был прав, а я нет. Я много в чём был неправ. Можно я приеду к тебе во Владивосток, когда вернусь? Не по делу. Просто».

Он смотрит на это сообщение долго. Оно кажется ему огромным, страшнее любой ведомости, любой квоты.

Он нажимает «отправить».

Под сообщением появляется маленький красный значок.

«Не доставлено. Повторить?»

Связи не будет ещё двадцать дней. Сообщение сохраняется в черновиках. Оно будет ждать там, пока судно не подойдёт к берегу и телефон не поймает сеть.

Двадцать дней Гена может передумать. Двадцать дней адвокат будет шептать ему, что это глупо, что Костя взрослый, что у них и так всё нормально.

А может, и не передумает.

Над морем светлеет. Совсем чуть-чуть, на самом краю, там, где восток. Но Гена стоит лицом на запад, туда, где материк, и не видит этого.

Цифра на телефоне меняется. 3:48.

На Камчатке минута кончилась.

Она идёт дальше.

**Счёт**

*Геннадий Ветров, 51 год.*

*Лет в море: 23.*

*Лет дома: около 6.*

*Заработано: две квартиры, одна машина, одно высшее образование, один телевизор.*

*Потрачено: детство дочери. Детство сына. Голос жены, когда она говорила «приезжай скорее».*

*Не отправлено: одно сообщение.*

*Курс обмена: не проверялся двадцать три года.*

# Ты

Ты сейчас держишь эту книгу. Или телефон, на котором эта книга.

Если телефон, то сверху, над текстом, наверняка висит уведомление. Кто-то написал. Что-то случилось. Где-то кто-то что-то сказал, и это срочно.

Не открывай пока.

Просто посчитай, сколько каналов у тебя в Телеграме. Не надо точно, примерно. Двадцать? Пятьдесят? Сто?

А теперь вспомни, когда ты последний раз писал человеку, который тебя вырастил. Не «как дела», не «с праздником». А что-то настоящее.

Не отвечай. Это не экзамен.

Просто заметь, какой из двух ответов пришёл быстрее.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.